

По России путевые заметки и впечатления

Часть 2. Кавказ

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П41

П41 По России путевые заметки и впечатления: Часть 2. Кавказ / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 681 с.

ISBN 978-5-458-06098-1

ISBN 978-5-458-06098-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

25. **По долинь Куры.** Вдоль Куры. Горн. Пещерный городъ Уплись-Цихе. Атенское ущелье. 460
26. **По долинь Куры.** Боржомъ. Его минеральныя воды и паркн. Окрестности Боржома. Цхро-Цхаро. Вверхъ по Куръ. Ахалцихъ. 477
27. **На Маломъ Кавказъ.** Абась-Туманъ и его воды. Зекарскій переваль. . . . 497
28. **Сурамскій переваль.** По рѣчкѣ Чхеремелъ. Растенія западнаго склона. Первыя впечатлѣнія Колхиды. . . . 510
29. **Кутаисъ.** По городу. Сады. Развалины храма Баграта. Поѣздка въ Гелатскій монастырь и Мотцамети. Тквибули. . . . 522
30. **Военно-Осетинская дорога.** По долинь Риона. Опи. Уцера и Глоля. Мамисонскій переваль. Спускъ по осетинскимъ ауламъ. Ущелья Ардона. Урочище св. Николая. Нузалъ и Садонъ. Въ скалистыхъ горахъ. Алагиръ. 544
31. **Въ Мингрелии.** Накалакеви. Мартвильскій монастырь. Зугдиди. Потн. Батумъ. Поѣздка въ Артвинъ. . . . 583
32. **По берегамъ Чернаго моря.** Сухумъ и его сады. Ново-Аѳонскій монастырь. Новороссійскъ 606
- Практическія свѣденія для туриста.** 629
- Минеральныя воды Кавказа.** 668

ПО РОССИИ.

2.

КАВКАЗЪ.

І. Степи.

Встрѣча съ товарищемъ. Въ степяхъ Предкавказья.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Тютчевъ.

На вокзалѣ въ Ростовѣ толпился пародъ. Суета была живообразимая, хотя до отхода поѣзда во Владикавказъ оставалось еще болѣе получаса.

Я сидѣлъ у маленькаго столика и пилъ кофе. Кто-то хлопнулъ меня по плечу. Я быстро оглянулся.

— Туманьянцъ! воскликнулъ я, совсѣмъ пораженный этой неожиданной встрѣчей.

— Онъ самъ, проговорилъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ. Туманьянцъ или Тумановъ, какъ попросту мы его звали, былъ моимъ университетскимъ товарищемъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ работали и по химіи, и по физиологіи, были всегда въ хорошихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ, симпатизировали другъ другу, а по окончаніи курса разстались, разъѣхались въ разныя стороны и въ настоящую минуту, послѣ многолѣтней разлуки, судьба насъ снова соединила.

Тумановъ былъ армянинъ и его фамилію передѣлали ему товарищи и по гимназіи и по университету, почему и я называю его всегда на русскій ладъ Тумановымъ.

— Что сей сонъ значитъ? спросилъ онъ, внимательно разглядывая меня своими великолѣпными черными глазами. Что занесло васъ сюда въ Ростовъ?

— Я ѣду на Кавказъ.

— Я ѣду тоже въ Тифлисъ, я тамъ живу. Я пріѣзжалъ сюда въ Ростовъ по дѣламъ. А вы ѣдете прокатиться?

— Я ѣду, чтобы ознакомиться съ Кавказомъ, проникнуть въ его сокровенные уголки. Также страсть видѣть свѣтъ, которая всю жизнь гоняла меня по бѣлу-свѣту, повлекла меня на Кавказъ, въ ваши горы. Я хочу близко ознакомиться съ ними, чтобы описать ихъ. Кромѣ того я заработался въ Петербургѣ зимой и меня прогнали на югъ. Теперь я ѣду прямо въ Баку къ моимъ роднымъ, съ которыми собираюсь недѣлю пожить въ Ленкорани. Мы списались телеграммами и вотъ я здѣсь.

— Такъ до Тифлиса мы съ вами попутчики, сказалъ Тумановъ, я вамъ все покажу, что есть интереснаго, вѣдь здѣсь моя родина, но можетъ быть я навязываюсь.

— О нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ я, отлично понявъ его мысль. Я съ удовольствіемъ принимаю ваше общество и дорожу имъ.

Онъ сжалъ мою руку.

— Я знаю это, вы всегда въ университетѣ хорошо относились ко мнѣ, не обращая вниманія на мою

національність. Да, да не возражайте. До сихъ поръ еще и среди университетской молодежи много такихъ, которые отворачиваются отъ насъ—армянъ.

— Изъ Баку я возвращусь вновь въ Тифлисъ, сказалъ я, мы можемъ встрѣтиться.

— Мало того, воскликнулъ Тумановъ, если мы не надоѣдимъ другъ другу и сойдемся опять, какъ въ былыя времена, я постараюсь такъ устроиться, что поѣду сопровождать васъ далѣе въ вашихъ экскурсіяхъ по Кавказу. Миѣ будетъ очень пріятно проѣхать съ такимъ всесвѣтнымъ турчестомъ и показать ему мою родину. А вы не женились? спросилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Я тоже холостой. Послыщикъ, крикнулъ онъ, мои вещи и вещи этого барина положишь вмѣстѣ въ одинъ вагонъ.

Я радъ былъ этой встрѣчѣ, радъ былъ, что Тумановъ будетъ сопутствовать миѣ по Кавказу и покажетъ все, что нужно видѣть. Я радъ былъ ему, какъ крайне милому, хорошему, простому товарищу, веселому человѣку, воспоминанія о которомъ съ университета скамьи остались въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Онъ мало измѣнился въ теченіи этихъ лѣтъ, обросъ бородой и еще болѣе загорѣлъ, а его большіе глаза сохранили все тоже милое, ласковое выраженіе. Это былъ типъ красиваго армянина.

Мы усѣлись въ вагонъ и поѣздъ помчалъ насъ изъ Ростова.

— Смотрите на городъ, сейчасъ будетъ мостъ черезъ Донъ.

Донъ превратился въ настоящее море, а громадный Ростовъ разсѣлся по высокому береговому скату, поднявъ свои колокольни церквей и каланчи надъ хаосомъ домовъ и садовъ и растянулся на безконечное разстояніе вдоль рѣки.

— Хороша панорама! восхищался Тумановъ. Красота!

Я не могъ не восхищаться этимъ колоссальнымъ городомъ, особенно послѣ однообразія дороги въ степяхъ. Отъ самаго Воронежа, такъ красиво лежащаго надъ Вороной, мы долгіе часы неслись по скучнымъ степямъ, однообразіе которыхъ нарушалось рѣдкими хатами съ соломенными кровлями и вѣтренными мельницами съ поломанными отъ весеннихъ бурь крыльями. Однообразіе степи давило и угнетало и дивная панорама Ростова, одного изъ самыхъ блестящихъ русскихъ городовъ,—поражала теперь, глядя на желѣзнодорожный мостъ, по которому летѣлъ нашъ поѣздъ.

Донъ остался за нами. Ростовъ слился съ горизонтомъ и мы неслись по новымъ безконечнымъ степямъ. Повсюду мелькали огненные цвѣты тюльпановъ и лиловые пѣтушки касатиковъ.

— Смотрите тюльпаны, воскликнулъ я, поражаясь огненнымъ ковромъ, раскинутымъ по степи. Какая ихъ масса!

— О, вы по прежнему увлекаетесь цвѣтами, засмѣялся Тумановъ, я помню, вы всегда были ярымъ ботаникомъ и неумолимы были на прогулкахъ. Что касается меня, я все позабылъ.

Поѣздъ остановился на Кагальницкой станціи. Пѣтушки съ букетами ландышей и разнообразныхъ

тюльпановъ, бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ, пушцовыхъ, расписныхъ, осаждали вагоны.

— Развѣ здѣсь есть ландыши? удивился я.

— Нѣтъ, эти ландыши онѣ достаютъ изъ горъ и привозятъ сюда по желѣзной дорогѣ на станціи, объяснилъ Тумановъ.

До чего безконечны, однообразны, унылы и скучны эти громадные степи, которыя разлеглись отъ Дона до Кавказскаго хребта и отъ Чернаго моря до Каспійскаго. Куда ни глянешь—все ровная и однообразная мѣстность, ширь и гладь. Рѣдко, рѣдко промелькнетъ ничтожный кустишка, да и тотъ какъ-то робко поднимаетъ свои вѣтки, чувствуя, что онъ лишній, — здѣсь, въ этой гладкой, безграничной степи, въ этомъ царствѣ однихъ травъ и весеннихъ цвѣтовъ. Здѣсь раздолье безчисленнымъ отарамъ овецъ, здѣсь посятся громадные табуны лошадей. Кое-гдѣ подняли свои золотыя звѣздочки горицвѣты, да луговые малиновые піоны, эти «воронцы» южныхъ степей, и поля тюльпановъ покрыли большія пространства. Весною степь прелестна. Это море цвѣтовъ, гдѣ сплелся метла шалфеевъ съ бѣлыми султанами дошика, гдѣ поднялись цвѣты зонтичныхъ, сонышки девясилей и гдѣ колышется серебрясь длинноволосый ковыль. Я люблю степь. Она навѣваетъ раздумье и уноситъ далеко, далеко отъ земли. Этотъ безконечный просторъ мчитъ въ неопредѣленную даль и замираешь въ какомъ-то сладкомъ, неописуемомъ оцѣпененьи. Гдѣ-то за зеленою степи взвился дымокъ, но не видно костерь-ли это или хуторъ. Дымокъ тихо подни-

мался надъ степью и стоялъ въ воздухѣ. Поѣздъ перелетѣлъ черезъ мостъ.

— Это Урупъ, сказалъ Тумановъ.

— Рѣчка?

— Да, рѣчка. Это бѣшеный потокъ. Онъ вѣчно полонъ карягъ, пней, обломанныхъ стволовъ. Теперь въ немъ мало воды, а во время таянья снѣговъ и дождей онъ страшно вздувается и превращается въ ужасную пучину. Здѣсь въ прибрежныхъ кустахъ водится много кабановъ.

— Вотъ и Тихорѣцкая, сказалъ Тумановъ. Здѣсь отдѣляется вѣтвь на Новороссійскъ.

Позже мнѣ случилось познакомиться и съ этой боковой вѣтвью, прорѣзавшей степь, перешедшей Кубань у самого Екатеринодара, городка, потонува-шаго въ садахъ, и подошедшей къ самому морю у скучнаго и сквернаго Новороссійска. Вся вѣтвь до моря невѣроятно скучна. Поѣзда тихо тащутся по стенамъ, жара царить невозможная и только одинъ зеленый Екатеринодаръ, весь въ плодовыхъ садахъ, въ кудряхъ вишенъ и грушъ, въ стройныхъ пира-мидалныхъ тополяхъ и бѣлыхъ акаціяхъ на нѣсколь-ко минутъ освѣжаетъ васъ. За то послѣ дорога ка-жется еще болѣе невыносимой, душной и пыльной. Громадныя зонтичныя, ренейския, шалфей, чудовищ-ные щавели и скабіозы торчатъ по степямъ, наслаж-даясь лѣтнимъ зноемъ, и увеличиваютъ своимъ одно-образіемъ тяжелое впечатлѣніе и жары и усталости.

Все степь и степь. Порою высятся курганы, эти старые молчалишки, хранящіе тайны прежнихъ вѣ-ковъ въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ. Довольно рѣдкія

станціи Владикавказской дороги, красныя кирпичныя зданія, завитыя виноградомъ, окруженныя садиками, выплывали, словно оазисы, въ безконечной степи. Публика дѣлалась все черномазѣ, носы стали удлиняться, появились бурки, башлыки, папахи, книжки, слышалась твердая, своеобразная для Кавказа русская рѣчь.

Вотъ и станція Кавказская съ боковой вѣтвью на Ставрополь.

— Вы бывали въ Ставрополь? спросилъ я Туманова. Оказывается онъ всюду бывалъ и такъ расхвалилъ мнѣ красоту садовъ Ставрополя, что позже я соблазнился и посѣтилъ этотъ городокъ. Онъ показался мнѣ и благоустроеннымъ, и тѣплымъ, и старый Воронцовскій паркъ подкушлъ меня въ пользу города, но все-же кромѣ тоски я ничего изъ него не вынесъ и посѣтивъ поскорѣе убраться изъ этого города, основаннаго болѣе 100 лѣтъ назадъ съ стратегическою цѣлью и окруженнаго укрѣпленіями.

Здѣсь на Кавказской станціи я впервые увидѣлъ арбу, удивительный экипажъ съ двумя громадными колесами. Собственно говоря, это два колеса съ жердочкой между ними для сидѣнья и двѣ оглобли, придѣланныя къ колесамъ. Арба стонетъ, визжитъ, востъ, надрывая душу, медленно двигаясь по степной дорогѣ, и этотъ плачь арбы надолго остается въ ушахъ...

Тумановъ рассказывалъ массу исторій изъ Кавказской жизни, о своихъ работахъ, экскурсіяхъ и въ теченіи этого суточного переѣзда, мы снова сблизились съ нимъ. Я рѣшилъ посѣтить минеральныя

воды и всѣ группы ихъ. Тумановъ вызвался мнѣ сопутствовать.

Мелькнула большая станица Пронзино съ двумя церквями и, когда надъ стенью спустился вечеръ, мы подъѣхали къ Армавиру. Темнота скрывала широкія пыльные улицы городка съ его многочисленными каменными домами и садиками. Проѣзжая здѣсь днемъ, видишь въ туманномъ маревѣ степей—цѣпи холмовъ, покрытыхъ лугами. Эти холмы громоздятся все выше и выше, образуя зеленыя горы, которыя тонутъ за стенью въ полуденныхъ дымкахъ. На станціи суетились пассажиры и я съ жадностью приглядывался къ этимъ характернымъ южнымъ лицамъ въ папахъ и башлыкахъ и съ черными серебряными кнѣжалами за поясами.

— Это кто такой? спросилъ я Туманова, указывая на небольшого человѣка, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, одѣтаго въ заплатанную черкеску съ сдвинутой небрежно на сторону папашой.

— Это казакъ, отвѣтилъ онъ, черноморскій казакъ, лихой охотникъ на кабановъ.

— Не пластунъ-ли? переспросилъ я. Не помню гдѣ, но я читалъ, что здѣсь жили пластуны.

— Можетъ быть и изъ пластуновъ, сказалъ Тумановъ, только какіе-же теперь пластуны! Впрочемъ, можетъ быть.

Я былъ увѣренъ, что это были пластунъ, можетъ быть и рѣдкій и очень измѣнившійся типъ въ настоящее время. Пластунъ! Именно такіе были эти люди, переселенцы съ Днѣпра, лихіе запорожцы рыцари, черноморскихъ степей, ползавшіе, какъ